

Светлана Грачёва

Всё течёт

Малая проза

Светлана Грачёва

Всё течёт. Малая проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489506

ISBN 9785449394774

Аннотация

Жизнь в российской глубинке специфична. Провинция медленно перестраивается под напором времени, храня прежний – русский – уклад жизни. Здесь живут и те, кто потерял высокое положение отцов в СССР, и те, кто нашёл свою нишу именно в новой формации. А впрочем, жизнь в любые времена и эпохи по большому счёту одинакова.

Содержание

Всё течёт, всё изменяется	5
Рассказ баловня судьбы	11
1	11
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Всё течёт
Малая проза

Светлана Грачёва

© Светлана Грачёва, 2018

ISBN 978-5-4493-9477-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё течёт, всё изменяется

Новелла

С незапамятных времён человек искал славы. Признание и почести всегда заставляли трепетать человеческие сердца. Редкие люди отказывались от мирской славы.

В шестом веке до нашей эры жил необыкновенный человек. Он родился на берегу Эгейского моря, где шумел греческий город Эфес. В этом полисе основался царско-жреческий род Кодридов.

Отец обрадовался, когда понял, что его старшего сына боги наделили большим умом. Ещё маленьким ребёнком он мог постичь то, что не понимали взрослые люди. Всех больше занимали быт и мелкие радости жизни. Мальчика не интересовали детские утехы. Он проводил время в уединении с природой. И, став юношей, не изменился. Только сильнее проявились его способности к диалектике.

Царь-отец всё чаще задумывался: напрасно он возлагает надежды на старшего сына. Эллины же восхищались проницательностью и мудростью юноши, считая его избранником богов. Не зря ведь называли мальчика при рождении Гераклитом – «избранником богини Геры». Будет философом. Так и произошло.

Старшему наследнику было около сорока лет, когда умер

отец. Гераклит отказался от престола в пользу младшего брата. Удалился в храм Артемиды. На ступеньках храма размышлял о вселенной, боге и государстве. К знаменитому философу приходили разные люди. Бедняков интересовало бытие, богачей – устройство мироздания и стремление улучшить состояние души.

– Всё течёт, всё изменяется. Сегодня вы бедняки, а завтра – богачи. Смерть одного является жизнью другого, – говорил Гераклит бедным эфесцам.

– Душа похожа на сухой пар. Если много возливать алкоголя, но она разжижается. Ухудшаются свойства души. Человек чаще раздражается, становится желчным. Начинает болеть. Нужно праведно жить. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку и нельзя дважды застигнуть смертную природу в одном и том же состоянии, – отвечал философ знатым жителям Эфеса.

Не могли обыватели глубоко осмыслить серьёзные идеи мыслителя. Жизнерадостным грекам философ Гераклит казался мрачным человеком. Они так и прозвали его – Гераклит Мрачный.

Храм Артемиды Эфесской стоял за городом, на берегу реки Каистр. Святилище богини превосходило по красоте и богатству все обители богов и прославилось во многих землях как одно из семи чудес света. Воинственные жрецы-куреты, проводя ночные празднества, дикими плясками со щитами, копьями и мечами нагоняли страх на людей.

– Велика Артемида Эфесская, – кричали грозно служители, размахивая оружием и горящими факелами.

Куреты стали особой кастой. Управляли городом, никому не подчиняясь. Для них была вымощена мрамором улица, которая вела к агоре¹.

Простые смертные не смели приблизиться к ним. Только смиренно склоняли головы. Среди ревностных почитателей богини плодородия были знатные горожане и чужеземные цари. Они дарили земли, несли к алтарю многогрудого божества серебряные драхмы, драгоценные камни и металлы – только бы прорицатели молились о преумножении богатства. Проходя в храм мимо бедняков, надменные благодетели не давали им и медной монеты, чтобы помочь выбраться из нищеты. Плающие факелы в святилище Артемиды сжигали во влиятельных людях все добрые устремления. В душах оставался один зловонный сгусток греховной страсти – сребролюбия.

Гераклит видел, как приносили покорные рабы на своих стёртых спинах сундуки с жертвенными дарами, а храмовые служители охотно принимали подношения вельмож. Вестники Артемиды курили сладкие благовония, возносили молитвы перед статуей могущественного божества, высекали на стелах имена благочестивых властителей... Предприимчивые дельцы, восхваляя невысказанную щедрость богачей,

¹ **Агора** – центральная торговая площадь города, где проходило народное собрание.

привлекали в храм новых праздных болтунов. В стенах храма скопились несметные сокровища. Куреты раздавали их всем желающим под большие проценты.

– Многознание никого не научает уму. Сами не знают, что говорят и делают, – плакал мыслитель.

Поняв, насколько глупы люди в своём стремлении к богатству и призрачной славе, Гераклит ушёл в горы. Жил анахоретом, питаясь травами и кореньями, как последний бедняк. Единение с природой должно было вернуть ему душевный покой.

Через несколько лет жрецы храма Артемиды услышали новость: в Эфес вернулся философ-отшельник.

– Наверно, подарили ему боги ещё больше мудрости, – посовещавшись, решили они. – Пойдёмте к избраннику Геры. Почтим его возвращение и испросим у него совета, как нам достичь ещё большей праведности.

Утром седовласые жрецы облачились в белые длинные хитоны из дорогой восточной ткани и сели в роскошные носилки. От храма до главных ворот города высокомерные жрецы ни разу не заговорили друг с другом. Каждый думал, какой вопрос задать, чтобы философ похвалил его, отметив высокий ум.

В шумном Эфесе жрецы приказывали опускать носилки около каждого трёхэтажного дома на террасах, где жили вельможи. Куреты терпеливо ожидали своего раба. Пока он заходил в дом и спрашивал о высоком госте, они наслажда-

лись тонкими ароматами, исходящими из окон благородных домов. Лишь крикливые неугомонные жители полиса, снующие по узким тротуарам, немного утомляли жрецов.

Никто не знал, у кого из знатных горожан остановился Гераклит. Но старые вестники богини не могли ни с чем вернуться в храм.

Только к вечеру молчаливые рабы вынесли носилки на окраину города, где селился простой люд. Жрецы недовольно поморщились, почувствовав неприятные запахи. Загорелый мужчина, в сером коротком хитоне, грязном и рваном, согласился помочь. После поклонов фет² кротко сказал прорицателям:

– Я покажу хижину, где вы можете узнать о Гераклите.

Нищий ковылял впереди пышных носилок. Они мерно колыхались в толпе суетливых оборванцев.

Бедняк привёл жрецов к глиняной лачуге. Прорицатели переглянулись и вошли в бедное жилище.

Они застыли в недоумении, увидев потомка царского рода в изношенном платье рабов: коричневом коротком хитоне. Наследник престола играл в кости с крестьянскими детьми.

Гераклит взглянул на лица жрецов и засмеялся.

– Ну, что стоите, как вкопанные? Проходите, – указал на полусгнивший пень вместо дорогого сидалища. – И здесь боги обитают.

² **Фет** – городской бедняк в Греции с правом участия в народном собрании и суде присяжных.

А возле лачуги собралась толпа фетов, поражённых невиданным зрелищем. В толпе стоял гордый собой хозяин хижины. Он объяснял соседям, из какой глины они построят ему новый дом.

Рядом красовался перед соседями проводник жрецов. Он тоже заслужил почтение. Теперь ему на праздники будут приносить зерно, оливковое масло и виноград.

С того дня не видели философа в Эфесе. Там, где процветает тщеславие, мудрецы не живут.

Через сто лет храм Артемиды Эфесской сгорел. Народная молва гласила, что купцы подговорили честолюбивого Герострата поджечь святилище.

Богиня покинула свою обгоревшую земную обитель. Вместе с нею ушли и служители.

Не стало чуда света.

Всё течёт, всё изменяется.

14.01.2018

Рассказ баловня судьбы

Рассказ

1

– Я никуда не поеду! Я привык к ребятам своего класса... И вообще я люблю наш город, а вы его не любите!.. Вы никого не любите, только себя! – с жаром выкрикивал я, особо выделяя голосом «не любите».

Сердце моё учащённо билось, заставляя дрожать руки и подбородок. Я быстро ходил по залу, нервно подтягивая свои новенькие джинсы, которые сидели на мне безукоризненно, резко хватаясь за голову и лихорадочно запуская в волосы тонкие мальчишеские пальцы.

Родители тихо сидели на диване. Мать, обмякнув всем телом, опустив голову, смотрела в пол и только изредка, не поднимая головы, исподлобья, поглядывала то на меня, неистово шагавшего по комнате, то на отца. Весь её вид молил: «Вы оба, не рубите с плеча».

– Мы вернёмся к этой теме разговора в другой раз, – стараясь держать себя в руках, спокойно произнёс отец.

– Никогда, никогда я не буду говорить с тобой... – выкрикнул я. – И с тобой тоже, – кивнул в сторону молчав-

шей матери, и предательская слеза покатила по щеке. Я небрежно смахнул её с лица, злясь на себя, что не смог в полной мере показать мужской характер.

Этим парнишкой был я, Андрей Данилов, ученик седьмого класса районного города И.

Сейчас, вспоминая события более чем двадцатилетней давности, понимаю, что был не прав, объявив своим родителям настоящую психологическую войну. Известие о повышении в должности отца, второго секретаря горкома партии, взбудоражило тогда родителей. Ещё бы! Такой шанс мог упустить только глупец, потому что удача в карьере – дело особенное. Кто-то разбивает себе лоб, стучась во все двери, прилагая огромные усилия – и всё бестолку. А тут... Отцу предложили пост заместителя первого секретаря облисполкома.

– Чудак-человек! – смеясь, говорила мать. – Я уверена, что твои друзья с радостью бы хотели оказаться на твоём месте. Не принимай всё, что они тебе говорят, за чистую монету.

– Я им верю, как себе! – отстаивал я честь своих друзей. – Мои друзья уже сто раз проверены.

– Давай сначала уедем из этого города, – с хитрецей во взгляде отвечала мать, – тогда, я думаю, не нужно будет ещё сто раз проверять твоих друзей.

Я в тот момент отмахнулся от матери и надулся как мышь на крупу: закрылся в своей комнате и не выходил оттуда до глубокой ночи, пока не убедился, что все легли спать.

На следующий день произошёл крупный разговор с отцом.

– Хочешь ты или не хочешь, но тебе придётся подчиниться большинству в нашей семье, – веско сказал он. – Мы должны переехать.

– «В нашей семье», – попытался передразнить я отца. – Вот именно, что в вашей. А я кто для вас – собачка на верёвочке? Должен бежать, куда мне скажут?

– Не дерзи, Андрей, – пробовала остановить меня мать.

– А что, я не прав, да?

– Конечно, не прав, – вступила в разговор Ольга, моя старшая сестра. – Просто так нужно, и всё. Думаешь, мне просто? Я тоже не в восторге от переезда. – И всплакнула: – У меня на носу выпускные экзамены, а я среди учебного года меняю школу. А если экзамены завалю?

– Не завалишь, – оборвал я причитания сестры. – Отец кому нужно позвонит, и ты все экзамены, как миленькая, на «пятерки» сдашь.

Отец вспыхнул:

– Мальчишка! Думай, что говоришь. Почаще держи язык за зубами – лучше будет.

Я отстаивал своё право выбора. Хотел остаться жить с бабушкой по линии матери, потому что не представлял, как смогу жить, учиться без своих ребят, особенно без Сашки Радина. Мы были с ним братьями по духу. Отец не принял в счёт моего мнения, назвав его «необдуманном». Несовер-

шеннолетний в данной ситуации не может выбирать – за его жизнь и здоровье отвечают родители.

Вначале я выбирал выражения, но потом, когда отец задел меня за живое, обозвав «молокососом», довёл его до белого каления.

Мой бунт был задушен, как гидра контрреволюции. Поверженный, обессилевший в неравном споре, я покидал любимый город и дорогих сердцу друзей.

В те времена мы с Сашкой свято верили в дружбу; верили, что есть то особенное, порой неосознанное чувство в душе русского человека, которое никогда не даст угаснуть вечному светильнику бескорыстного братства. Так нас тогда воспитывали и учителя, и родители, и средства массовой информации, и... партия, и комсомол. Да, партия и комсомол. Сейчас много грязи излито на партийных и комсомольских работников того времени: не так, мол, воспитывали – готовили для себя болтиков и винтиков, которых можно крутить как угодно и сколько душе захочется. Не спорю, в этом есть доля истины. Но сейчас – страшнее!

Мои родители, радостные, окрылённые изменениями в жизни, начали сборы. Я не хотел с ними общаться, представляя их чуть ли не кровными врагами. На все вопросы матери что-то бурчал себе под нос, не разрешая до себя дотрагиваться, а отца вообще избегал. Лучше сказать, мы друг друга избегали: отец посчитал мои запальчивые высказывания оскорбительными, а я не собирался извиняться перед

ним, чувствуя себя униженным.

Не думал, что когда-то с трепетом в душе буду бежать в школу. А вот бежал! Что-то подсказывало внутри, что мы с Сашкой Радиным расstaёмся надолго, хотя поклялись, что в свободное от учёбы время будем приезжать друг к другу в гости, а если не сможем, то настрочим письмо.

– У меня с письмами не очень... – словно заранее оправдываясь, говорил мой лучший друг. – Вот по телефону поболтать – другое дело. – И расстроенным голосом прибавлял: – Но сам знаешь, у меня нет домашнего телефона.

Я видел, что Сашка очень переживает, но не подаёт виду. Хотя как это скроешь, если за несколько дней похудел, глаза затянула печаль. Остальные ребята перед самым моим отъездом почему-то отстранились от меня. Так мне показалось. Какая-то пустота была в их взглядах, никчёмность в словах. Может, им не понравились мои подарки на память?

Уезжали мы в город К. утром на горкомовской «Волге». Под ногами хрустел выпавший ночью снег, лицо обжигал январский мороз. Все были готовы к отъезду, стояли у машины уже с полчаса, но не могли отъехать. Ждали меня. Молча. А я стоял рядом со своей семьёй. Водитель сидел в машине и ждал команды главного пассажира. По его лицу было видно – нервничал. Но молчал. Важность персоны моего отца, казалось, чувствовала даже «Волга», тупая железка. А я ждал своих друзей, которые накануне обещали забежать ко мне перед школой, чтобы попрощаться и пожелать доброго

пути. Моя голова вертелась из стороны в сторону, а глаза силились разглядеть при слабом освещении фонарей всех, кто двигался в нашу сторону. Моих ребят не было.

Усиливался ветер, крутя и приподнимая вверх мягкий снег. Начиналась метель. Первой не выдержала сестра и, ёжась от пробирающего насквозь холодного ветра, юркнула внутрь служебной машины. Родители ещё держались и, повернувшись спиной к ветру, подняли воротники. Да и я захохлился, как одинокий воробей на ветру.

Как гром среди ясного неба раздался голос за моей спиной. Сашка Радин! Мягко упал в пушистый снег модный дипломат, который я ему подарил позавчера (их в нашем городе было мало). Мы неуклюже обнялись. Он погладил меня по спине, то ли жалея, то ли подбадривая. В наших глазах застыли слёзы.

Непроизвольно у меня вырвался вопрос:

– А где кореша?

Мой друг замялся, но всё же ответил:

– Я заходил к каждому... Их родители не пустили. Сказали, холодно сегодня... нечего сопли морозить. Пусть в школу сразу идут. Я поэтому и опоздал.

Мне стало вдруг стыдно и перед Сашкой, и перед родителями. За что? Сам уж теперь не помню. Наверно, за свою опрометчивость в выборе друзей.

Я посмотрел вслед удаляющемуся Сашке и подумал, что друг у меня только один и им нужно дорожить. Со всеми

остальными мы разошлись, как в море корабли.

Убитый, сел в машину.

– Друзей много не бывает, – серьёзно, глядя мне прямо в глаза, сказала мать.

«Волга» степенно двинулась с места и, набирая скорость, помчалась навстречу переменам. Одобрительно-ровно гудел мотор, возмущаясь только на больших колдобинах трассы.

Метель заносила мои следы в нашем городе.

Я притворился спящим.

2

Первое знакомство с областным городом К. мне не понравилось. Мещанские двухэтажные дома прошлого века недоверчиво глядели узкими окнами на всех, кто приезжал в заснеженный город. Безликие пятиэтажные «коробки», разбросанные между старыми домами, недружелюбно выглядывали из-под заваленных снегом крыш. Неприветливый город.

Я никак не мог привыкнуть к новому месту жительства. Даже прожив в К. две недели, мне были по-прежнему неприятны его шумные улицы. Я чувствовал себя одиноким узником чужого города: ни одного знакомого лица, ни одной приветливой улыбки. Только холод на улице и в душе.

Каждый день, приходя из школы, я видел радостную мать. Что-то тихо напевая, она готовила обед, натирала паркет, стирала, гладила наши вещи. Когда мы жили в нашем городе, мать приходила домой с работы тихая, неразговорчивая. Теперь же, любуясь своей работой, спрашивала всех, красиво ли смотрится паркет. Видимо, ей нравилось быть домохозяйкой. «Тоже мне радость, – думал я, – оставила бабушку одну в нашем городе. Кто ей поможет?»

Как только мать собиралась поехать в родной город, я настаивал на поездке вместе с ней. Отец был против.

– Ты сын работника облисполкома. За нашей семьёй сле-

дят тысячи глаз в городе. Тебе пропускать занятия в школе непростительно.

– И что, до конца жизни мне нужно думать о твоей должности? – возмущался я навязыванием мне чужих обязанностей.

– Мы живём в одной семье. Не забывай об этом, – учил отец. – Хотя бы только поэтому каждый из нас должен думать друг о друге.

Слова отца казались мне приказом. Я бесился:

– Что вы меня все учите? В школе нотации читают. Дома тоже нотации. Как вы мне все надоели, надоели!

Отец только качал головой. А я радовался своей победе над властью отца. Мне нужна была свобода. Свобода слова. Свобода действий. Свобода, свобода, свобода...

И отец уступал. Так я дважды смог встретиться с Сашкой Радиным. Мать оформляла или забирала какие-то документы – мне не хотелось в это вникать. Душа пела при встрече с Сашкой. Прежние мои приятели не спешили поделиться своей радостью от встречи, ограничиваясь только приветствием. Но я уже и не ждал от них большего. Всё перегорело в душе.

Месяца два мы переписывались с Сашкой. Я писал обо всём, что приходило в голову, и мои письма были длинными. Сашкин листок в несколько строчек огорчал меня первое время. Что-то грызло внутри: я ради него готов строчить день и ночь... Потом притерпелся.

В один из вечеров сестра рассказала о школьной встрече с детским писателем из ГДР. Несколько дней назад я читал анонс об этом мероприятии на доске объявлений. Мне было всё равно: русский или зарубежный писатель. Я не был любителем даже русской литературы. А тут немец. Если честно сказать, то меня не пригласили на встречу. А Ольга готовилась, ей дали ответственное задание. Сестра хорошо знала немецкий язык и смогла задать несколько вопросов зарубежному гостю. Я настолько был занят своими переживаниями, что почти ни с кем не общался. Закрою дверь в свою комнату и сижу один, злюсь: «Сашки рядом нет, а больше мне никто не нужен».

Сестра, довольная собой и встречей, вступила в школьный клуб интернациональной дружбы – КИД. В клубе переписывались с ребятами из зарубежья. Ольга выбрала девочку из Германской Демократической Республики.

– Молодец, Оля. Это правильное решение, – поддержал отец сестру. – ГДР – социалистическая страна. Там живут наши друзья. – И обратился ко мне: – Андрей, а ты не хотел бы переписываться с каким-нибудь школьником из другой страны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.